

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.40>

Ян Юнлю

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИРОДЫ В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА:
БОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО VS ДЕМОНИЗМ**

Статья посвящена комплексному исследованию мира природы в лирике Лермонтова. Обосновывается идея о том, что лермонтовская природа, жизненно одухотворённая, подобно человеку, живет собственной жизнью. Образы одушевленной природы рассматриваются как в ранней лирике Лермонтова, так и в поздних стихотворениях. В статье обобщен материал по исследуемой теме, вводится анализ трех типов природы: божественная и демоническая, которыми обладает одухотворённая природа у Лермонтова, а также природа, соединяющая в себе божественное начало и демонизм. В результате исследования раскрываются особенности типов одухотворённой природы в лирике Лермонтова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 200-203. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

GENRE SPECIFICITY OF THE RUSSIAN HISTORICAL NOVEL

Sharonova Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
sharon.ov@mail.ru

Sharonov Aleksandr Markovich, Doctor in Philology, Professor
Scientific Center of Social-Economic Monitoring, Saransk
sharon.ov@mail.ru

In the article, the authors state that the genre nature of the Russian historical novel continues to evolve and search for formal and contextual discoveries. It is ascertained that the activity of the historical novel at the turn of the XX-XXI centuries (fiction by A. Ivanov, Zakhar Prilepin, G. Sadulaev, A. Prokhanov and others), its being in the state of "formation" show the complexity and polyphony of the genre. The variety of the forms of the historical novel, its genre potential, and the wealth of practical material stimulate the emergence of new research subjects.

Key words and phrases: historical novel; genre; author; modern Russian prose; Russian history; historical plot; image.

УДК 82.01

Дата поступления рукописи: 06.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.40>

Статья посвящена комплексному исследованию мира природы в лирике Лермонтова. Обосновывается идея о том, что лермонтовская природа, жизненно одухотворённая, подобно человеку, живет собственной жизнью. Образы одушевленной природы рассматриваются как в ранней лирике Лермонтова, так и в поздних стихотворениях. В статье обобщен материал по исследуемой теме, вводится анализ трех типов природы: божественная и демоническая, которыми обладает одухотворённая природа у Лермонтова, а также природа, соединяющая в себе божественное начало и демонизм. В результате исследования раскрываются особенности типов одухотворённой природы в лирике Лермонтова.

Ключевые слова и фразы: М. Ю. Лермонтов; пейзажная лирика; одухотворенная природа; синтез божественного и демонического начал; литературная критика.

Ян Юнью

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
lyubayyl@mail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИРОДЫ В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: БОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО VS ДЕМОНИЗМ

Природа в творчестве Лермонтова – впечатляющая и своеобразная. Характерной чертой его описаний природы является одухотворенность, на которой акцентируют своё внимание многие исследователи и лермонтоведы в своих работах. В частности, рубеж XIX и XX веков отмечен особенным научным интересом к этому вопросу: С. А. Андреевский [1], И. Ф. Анненский [2], В. В. Розанов [12], Д. С. Мережковский [11], В. Ф. Саводник [14], С. Н. Дурылин [5] и т.д. подчёркивают, что природа у Лермонтова «самостоятельна», «живет своей особой жизнью» [2, с. 248]. Лермонтов обладает чувствительной натурой и всегда описывает природу как одушевленную. В качестве примера можно привести следующие образы: одинокий листок в «Песне» («Желтый лист о стебель бьется», 1831), приветливо кивающий головой ландыш («Когда волнуется желтеющая нива» (1837)), спокойный и гордый страж востока Казбек («Спешите на север из далека» (1837)). В этих образах обращает на себя внимание зарождение и развитие принципа лермонтовской одухотворенности природы, которая затем более подробно описывается в стихотворениях «Три пальмы» (1839), «Дары Терека» (1839), «Тучи» (1840), «Утёс» (1841) и т.д.

На основе этой концепции в поэзии Лермонтова выражается божественная сущность природы, т.е. воплощается идея одухотворенной природы, восходящей к божественному началу. И. И. Замотин подчёркивает, что «звуки небес» в творчестве Лермонтова «реализуются на созерцании красот природы, проникнутой идеей одухотворяющего ее Божества» [7, с. 85]. Вследствие этого в лирике Лермонтова часто можно наблюдать божественные природные образы, среди которых обращают на себя особое внимание образы из ранней лирики: «Светись, светись, далекая звезда, / Чтоб я в ночи встречал тебя всегда; / Твой слабый луч, сражаясь с темнотой, / Несет мечты душе моей больной» [9, т. 1, с. 99]; «Что на земле прекрасней пирамид / Природы, этих гордых снежных гор? / Не переменит их надменный вид / Ничто: ни слава царств, ни их позор; / О ребра их дробятся темных туч / Толпы, и молний обвивает луч / Вершины скал; ничто не вредно им. / Кто близ небес, тот не сражен земным» [Там же, с. 182]. По мнению юного Лермонтова, чистое божество недостижимо

для человека, поэтому божественное начало воплощается в его стихотворениях чаще всего через небесные образы природы, особенно через образы звёзд, месяца, гор – тоже недоступные для человека, поскольку природа для Лермонтова, в соответствии с идеей Д. С. Мережковского, «первозданная, только что вышедшая из рук Творца, пустынная, как рай до Адама». В поэтическом мире природа чистая, прекрасная, поэтому Мережковский предполагает, что Лермонтов в полной мере чувствует свое «человеческое отпадение от божеского единства природы» [11, с. 431]. Таким образом, в этот период, несмотря на то, что Лермонтов искренно любит природу и ее божественную красоту, он больше всего размышляет о своей жизни и поэтому не может забыть о своей отчужденности.

В зрелой лирике можно наблюдать эволюцию поэтической идеи Лермонтова об онтологической природе. Поэт выделяет божественное начало не только в небесных пейзажах, вершинах и скалах гор (в стихотворениях «Спеша на север из далека...» (1837), «Пророк» (1841), «Выхожу один я на дорогу...» (1841)), но и в более простых образах природы, таких как ветка Палестины, желтеющая нива, свежий лес, серебристый ландыш, студёный ключ и т.д. («Ветка Палестины» (1837) и «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837)). Божественность теперь проявляется в каждом гармоничном образе природы и как будто охватывает человека. Цитируя работу Н. П. Тарабукина, И. А. Киселева отмечает, что «идея Бога, явленная в природе, “раскрывается человеку через самопознание”», и «сама природа познаётся человеком посредством его самопознания» [8, с. 117].

Божественная природа, таким образом, становится уникальным аспектом постижения природы для Лермонтова. Мережковский также отмечает, что Лермонтов «больше чем любит, он влюблен в природу, как десятилетний мальчик в девятилетнюю девочку “с глазами, полными лазурного огня”» [11, с. 432]. О том же пишет А. Белый, пытаясь осознать, что представляет собой «вечная любовь» для Лермонтова: «“Люблю мечты моей создание / С глазами, полными лазурного огня” – Вот кого любит Лермонтов» [3, с. 207].

«Глаза, полные лазурного огня» – тайный символ невыразимого, и, согласно идеям Мережковского и Белого, такими глазами также обладает природа. Но откуда возник этот лазурный огонь и что он из себя представляет? В статье «Судьба Лермонтова» (1914) С. Н. Дурьлин пишет, что «Лермонтов пришел в мир с любовью к голубому», «Все, что любит Лермонтов в мире, все освещено ему *лазурным огнем*» [5, с. 15, 17]. Среди прочего, Дурьлин имеет в виду не только человека, но и природу: «море», «небо», «горы», «степь» и т.д. обладают «синим взором», над ними «вечно пылают, не стора, вечно-голубая горящая купина неба» [Там же, с. 19-21]. Следовательно, Дурьлин подчеркивает, что в конце концов Лермонтов понял природу «как Великое Существо с Божественной Душой... источающей из очей своих “Лазурный огонь”» [Там же, с. 25]. В связи с этим в этот период, несмотря на то, что различие между божественной природой и человеком не исчезает, между ними возникает тайная взаимосвязь. Природа и поэт как будто объединяются в своем бытии.

После подтверждения концепций об одухотворённой природе как божественной необходимо рассмотреть ее с противоположной стороны, поскольку природа в творческом мире Лермонтова представлена не только как божественная, но и как обладающая демоническим характером. В стихотворениях под заглавием «Мой демон» в 1829 и 1830-1831 годах уже отмечено то, что «одно из “впечатлений бытия”, воспринимаемых у Пушкина лирическим героем (“шум дубров”», становится у Лермонтова достоянием демона, одним из его пристрастий, и к тому же переносится в другой пейзажно-эмоциональный контекст» [17, с. 117]. Более того, в раннем периоде у Лермонтова встречаются образы страстной, словно демонической природы: «Ревет гроза, дымятся тучи / Над темной бездною морской, / И хлещут пеною кипучей / Толпяся, волны меж собой» [9, т. 1, с. 97]; «Колеблет ветер влажный, душный / Верху дерев, и с воем он / Стучит в оконницы» [Там же, с. 300]. В соответствии с идеей В. В. Розанова, в этих образах уже заметно присутствие «древнего, вечного существа», и даже «начала “демона”» [12, с. 46].

В зрелом творчестве поэта также встречаются стихотворения, содержащие демонические образы природы: «Лежал один я на песке долины; / Уступы скал теснились кругом, / И солнце жгло их желтые вершины / И жгло меня – но спал я мертвым сном» [9, т. 2, с. 197]; «В глубокой теснине Дарьяла, / Где роется Терек во мгле, / Старинная башня стояла, / Чернея на черной скале» [Там же, с. 202]. Следует отметить, что в творчестве Лермонтова демон не всегда является злым духом, смысл понятий «демон» или «демонизм» может приобретать разные лирические интерпретации. Демон – сложная индивидуальность. А. И. Глухов считает, что уже с раннего периода творчества Лермонтова проблема демонизма решается «в двух внутренних связанных художественных аспектах: жизненно-бытовом и условно-фантастическом», среди которых мы начинаем исследовать демонизм в поэзии Лермонтова сначала в аспекте «условно-фантастическом», акцентирующем внимание на «“нездешнем” происхождении демонизма, на взаимоотношениях демона и бога, на соотношении неба и земли» [4, с. 32].

Нередко исследователи отмечают, что источник демонизма у лирического героя Лермонтова связан с его богоборчеством. С точки зрения М. Н. Розанова, «сознание своего “избранничества” заставляет их (демонических героев) тяготеть ко всему сверх-человеческому... и порой выдвигает их на путь богоборчества» [13, с. 376]. С. В. Шувалов также подчеркивает, что у Лермонтова в стихотворениях «Я не хочу, чтоб свет узнал...» (1837), «Оправдание» (1841), «Смерть поэта» (1837) и «Стансы (Мне любить до могилы Творцом суждено...)» (1830) уже выражается мысль о том, что Бог является «виновником не только добра, но и зла на земле», и, таким образом, Лермонтов «не может не протестовать против него» [18, с. 145]. Поэт и его демон настолько сильно ощущают свой талант и могущество, что становятся богоборцами, производящими свой «единоличный суд над миром» [10, с. 138], а также над божеством. Богоборчество, таким образом, становится первым признаком лермонтовского демонизма.

В связи с этим В. С. Соловьев считает, что Лермонтов так и не прошел свой сверхчеловеческий путь, который он, обладая выдающимся талантом, должен был пройти. Главную причину этого, а также гибели поэта Соловьев видит в его гордости – гордость «есть коренное зло, или главный из смертных грехов», гордость и заключается в том, «чтобы считать себя ни в чем не нуждающимся, чем исключается всякая мысль о совершенствовании и подъеме» [16, с. 395]. Л. А. Соколов также обращает внимание на то, что настоящий путь сверхчеловечества – «путь христианского подвижничества, в особенности древних аскетов, сверхчеловечество которых выражалось в самоотверженном несении жизненного креста, в борьбе с демонами и демонизмом греховной природы человеческой и в служении людям до готовности положить душу за други своя» [15, с. 19]. А лермонтовский демон, по мнению Соколова, вступил на другой путь, на путь «нищенского сверхчеловечества... полного и эгоистической исключительности, и воззрения на окружающих с точки зрения средств для своих личных планов и самодовольного презрения к окружающему» [Там же].

Таким образом, мы постепенно переходим к анализу в «жизненно-бытовом» аспекте, который, по А. И. Глухову, «исходил из авторского осмысления демонизма как могучей моральной силы в человеческом обществе» [4, с. 32]. Лермонтовский демон, безусловно, является гордым и поэтому становится не ангелом, а демоном. Более того, гордость свойственна и образам природы у Лермонтова: «Ночевала тучка золотая / На груди утеса-великана; / Утром в путь она умчалась рано, / По лазури весело играя; / Но остался влажный след в морщине / Старого утеса. Одиноко / Он стоит, задумался глубоко, / И тихонько плачет он в пустыне» [9, т. 2, с. 192]. Утёс и тучка не зависят от каких-либо чувств друг к другу, их отношения проникнуты взаимной гордостью. Тем не менее в образе тучки проявляется тень демона – тучка не нуждается в утесе, она без сожаления покидает его. Из этой гордости в значительной мере рождается одиночество, особенности которого у Лермонтова видит А. К. Закржевский в том, что «сам он отверг мир» и спрятался в толпе под маской «пошляка», так как человек становится самим собой только в состоянии одиночества. Закржевский считает, что «вся жизнь человека, все его мысли, желания, даже его альтруизм, даже его любовь – есть лишь проявление его одиночества». Таким образом, «люди являются для я не чем иным, как только средством к обогащению одиночеством» [6, с. 38-41]. А тучка и утёс в стихотворении Лермонтова также являются одиночками, и они находят друг в друге отражение своего существования и одиночества. Следовательно, гордость и одиночество являются основными свойствами лермонтовского демона.

Однако в творчестве Лермонтова лирический образ демона все время изменяется и развивается. С. В. Шувалов, цитируя поэму «Демон», добавляет, что демон «имеет искреннее желание примириться с божеством» [18, с. 149]. Более того, «энтузиазм зла», по идее Б. М. Эйхенбаума, относится к самому Лермонтову, но мы его переносим на образ демона, он есть «порождение активного стремления к совершенству, “желания блаженства”» [19, с. 21-22]. Единство противоречивых черт также наблюдаются в образах природы – в начале стихотворения «Три пальмы» (1839) пальмы произносят такие слова: «На то ль мы родились, чтоб здесь увядать? / Без пользы в пустыне росли и цвели мы, / Колеблемы вихрем и зноем палимы, / Ничей благосклонный не радуя взор?.. / Не прав твой, о небо, святой приговор!» [9, т. 2, с. 124]. На наш взгляд, три пальмы, как и лермонтовский демон, проявляют, с одной стороны, тяготение к богоборчеству, с другой стороны, желание смирения и блаженства. Таким образом, перед нами третья категория – одухотворённая природа, соединяющая в себе божественность и демонизм.

Для исследования данного вопроса следует обратить внимание на проблему различия между божеством и демоном. Действительно, и в христианской, и в литературной сферах свойства божества во многом противоположны свойствам демона, например смирение и гордость, добро и зло, покой и страсть. Но их противопоставление определяется с человеческой точки зрения, по природе они, вполне возможно, совмещены в одной и той же душе, как мы выше обсуждали в контексте стихотворения «Три пальмы» и образов демона. Тем более В. В. Розанов в 1902 году пишет: «...то, что стало “демоном” в нашей эре, до нашей эры называлось “богом”» [12, с. 48]. И Лермонтов также обнаруживает, что добро и зло – «два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга». Отсюда следует, что понятия «бог» и «демон» не абсолютные, поэтому Лермонтов, в соответствии с концепцией А. К. Закржевского, «в демоне... надеялся найти новое, никому неведомое, понятие божества» [6, с. 92]. Такую попытку сделал Лермонтов в произведениях, посвящённых демонизму, и также в стихотворении «Дары Терека», где Каспий, как демон, презирает «здешнюю жизнь» и «людей» [1, с. 201, 207], но относится с любовью к умершей казачке, символизирующей божественную чистоту и красоту. Именно в этом смысле демон «побеждённый» – «побеждён, прежде всего, неотвратимостью воспоминания о лучших днях херувимской чистоты, побеждён возникшей, в противовес злобе, любовью и тяготением к миру любви, добра и красоты» [15, с. 44]. Таким образом, и демон Лермонтова, и демонические образы природы, желающие блаженства, уже не могут быть ни абсолютно отрицательными образами, ни в полном смысле божественными: скорее всего они являются синтезом этих двух начал.

Рассмотренные в статье художественные концепции одухотворённой природы позволяет нам прийти к выводу, что природа у Лермонтова является особым образом одухотворённой и живет собственной жизнью. В художественном мире Лермонтова божественное начало и демонизм существуют не только в человеке, но и в природе: божественная природа представляет собой природу чистую, блаженную, обладающую «глазами, полными лазурного огня» [Цит. по: 11, с. 432], а демоническая природа изображена как страстная, гордая и одинокая. Более того, и в человеке, и в природе объединяются и взаимодействуют божественные и демонические черты.

Список источников

1. **Андреевский С. А.** Лермонтов // Андреевский С. А. Литературные очерки. Изд-е 3-е, доп. СПб.: Тип. А. Е. Колпинского, 1902. С. 197-227.
2. **Анненский И. Ф.** Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 242-250.
3. **Белый А.** Священные цвета // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 201-210.
4. **Глухов А. И.** Эпическая поэма М. Ю. Лермонтова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 209 с.
5. **Дурылин С. Н.** Судьба Лермонтова // Русская мысль. 1914. № 10. С. 1-30.
6. **Закржевский А. К.** Лермонтов и современность. К.: И. И. Самоненко, 1915. 153 с.
7. **Замотин И. И.** М. Ю. Лермонтов: мотивы идеального строительства жизни. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1914. 154 с.
8. **Киселева И. А.** Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 178 с.
9. **Лермонтов М. Ю.** Сочинения: в 6-ти т. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1954. Т. 1. Стихотворения 1828-1831. 452 с.; Т. 2. Стихотворения 1832-1841. 388 с.
10. **Лермонтовская энциклопедия** / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.». М.: Сов. энцикл., 1981. 784 с.
11. **Мережковский Д. С.** М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: антология: в 2-х т. / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: РХГА, 2013. Т. 1. С. 399-439.
12. **Розанов В. В.** «Демон» Лермонтова и его древние родичи // Русский вестник. 1902. № 9. Сентябрь. С. 45-56.
13. **Розанов М. Н.** Байронические мотивы в творчестве Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: юбилейный сборник. М. – Пг.: В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых, 1914. С. 343-384.
14. **Саводник В. Ф.** Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М.: С. П. Яковлев, 1911. 211 с.
15. **Соколов Л. А.** Победённый демон: памяти М. Ю. Лермонтова: к 100-летию со дня рождения поэта. 1814 г. 3 окт. 1914 г. К.: Петр Барский в Киеве, 1914. 63 с.
16. **Соловьев В. С.** Лермонтов // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379-398.
17. **Федоров А. В.** Лермонтов и литература его времени. Л.: Худож. лит., 1967. 363 с.
18. **Шувалов С. В.** Религия Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: юбилейный сборник. М. – Пг.: В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых, 1914. С. 135-164.
19. **Эйхенбаум Б. М.** Литературная позиция Лермонтова // Литературное наследство. М.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 43-44. Кн. 1. С. 3-82.

**ARTISTIC CONCEPTIONS OF NATURE IN M. YU. LERMONTOV'S LYRICS:
THE DIVINE VS THE DEMONIC**

Yang Yunlu

*Lomonosov Moscow State University
lyubayyl@mail.com*

The article is devoted to a comprehensive study of the world of nature in Lermontov's lyrics. It substantiates the idea that Lermontov's nature, life-inspired, like a human, lives its own life. The images of spiritual nature are considered both in Lermontov's early lyrics and in later poems. The author summarizes the material on the topic under study, introduces the analysis of three types of nature: the divine and the demonic, which Lermontov's spiritual nature possesses, as well as nature that combines the divine and the demonic. As a result of the study, the features of the types of spiritual nature are revealed in Lermontov's lyrics.

Key words and phrases: M. Yu. Lermontov; landscape lyrics; spiritual nature; synthesis of the divine and the demonic; literary criticism.